

RU

Дихотомия «вариативное/типичное» лексического значения слова как дейктический потенциал неопределенного артикля

Попова В. Б.

Аннотация. Цель исследования – доказать, что неопределенный артикль является парадигматическим дейктиком, соотносящимся с лексическим значением слова и имеющим полевою структуру: ядро устойчивых невариативных признаков и периферию вариативных. Научная новизна заключается в выявлении вариативности как метаязыкового параметра описания неопределенного артикля. Полученные результаты показали, что неопределенный артикль – это семантический дейктик, указывающий на «общее» и оставляющий «особенное» вариативным; демонстрирует не только катафорическую, но и анафорическую связь в тексте; в качестве парадигматического дейктика тезауруса проецирует гипонимию как родо-видовое отношение в узком и широком смысле: совместимости по ряду избираемых признаков. Это отношение распространяется и на конкретизацию абстрактной лексики, и на ассоциативные метафорические связи.

EN

Dichotomy “Universal/Particular” of Lexical Meaning of Word as Deictic Potential of Indefinite Article

Popova V. B.

Abstract. The paper aims to prove that the indefinite article is a paradigmatic deictic correlating with the lexical meaning of a word and having field structure: nuclear of sustainable non-variable features and periphery of variable ones. Scientific originality of the study lies in the fact that variability is considered as a meta-linguistic feature of the indefinite article. The following conclusions are justified: the indefinite article is a semantic deictic that emphasizes universal features without accentuating specific ones; being a paradigmatic deictic, the indefinite article represents both cataphoric and anaphoric relations, expresses hyponymy as a gender-aspect relation in narrow and broad senses: compatibility of features. Hyponymic relations are observed in associative metaphors, in cases of lexical meaning concretization.

Введение

Актуальность темы исследования определяется тем, что метаязыковое описание артикля, содержание категории определенности/неопределенности остаются дискуссионными темами языкознания. Несмотря на наличие целого ряда работ, посвященных проблематике артикля с античных времен и до нашего времени, функциональный статус артикля остается научно не решенным вопросом. Сама категория определенности/неопределенности по-разному понимается учеными-носителями артиклевых языков и русскоговорящими исследователями. Доказательством этого факта выступили примеры, переведенные информантами на артиклевый язык (немецкий), речевые иллюстрации теоретических положений статьи «Определенности/неопределенности категория» Лингвистического энциклопедического словаря [8]. Достаточно большая группа примеров оказалась в принципе несостоятельной как эквивалент на немецком языке для иллюстрации той или иной категории: они нуждались в лексическом дополнении, характеризовали противоположную категорию дихотомии.

Особые трудности связаны с определением статуса неопределенного артикля для носителей безартиклевых языков, в частности русского. Само по себе название типа артикля «неопределенный», естественное для носителя артиклевых языков, имеет куда большее содержание для говорящих на артиклевых языках, чем для русскоговорящих. Носитель артиклевых языков интуитивно осознает, что вкладывается в понятие «неопределенный», имплицитно усвоив родную для него грамматику языка: немецкого, английского, французского, испанского и других. Для русскоговорящих представляется, например, куда более приемлемым именование этого артикля, принятое в англистике, – типизирующий артикль. Однако и это наименование

нельзя признать вполне удовлетворительным, так как оно полностью игнорирует такую функцию неопределенного артикля, как указание на вариативность.

В дидактических материалах по изучению артиклевых языков содержится более или менее полный, но не исчерпывающий перечень случаев использования типов артикля, не дающий, однако, базового ориентира. В отечественной дидактической литературе в основном возобладал принцип соответствия тема-рематическому членению предложения. И приводятся, как правило, только примеры, иллюстрирующие этот принцип. Иллюстративный материал скуден, базируется на одной-двух моделях типа «Что это? – Это стол». На основе принципа тема-рематического членения предложения сформировано и постоянно тиражируется в учебной литературе правило-ориентир употребления артикля: при первом упоминании предмета используем неопределенный артикль, при повторном – определенный, что само по себе характеризует в большей степени повествование, нарратив, но не соотносится с другими типами речи – описанием и рассуждением, а также в большей степени соответствует такой форме речи, как монолог, в меньшей степени – диалогу и полилогу, в большей степени – художественному тексту, в меньшей – научному и публицистическому. Такой принцип приписывает неопределенному артиклю катафорическую функцию в тексте, то есть введение информации, подлежащей уточнению в дальнейшем изложении. Очень расплывчатой представляется также сама формулировка: что считать «первым упоминанием» предмета в ситуации речи – упоминание в данном предложении, абзаце, в речевом отрезке какой продолжительности? Практика речи не соответствует этим ожиданиям: первое упоминание предмета в рамках высказывания вполне и часто сопровождается определенным и нулевым типами артикля.

Теоретизирование по поводу термина неопределенный/определенный артикль, его метаязыковое описание было дополнено нами (2001 г.) категорией вариативности: «...неопределенный артикль указывает на поливариативность “особенного” понятия/образа, определенный... на одновариантность, нулевой – на инвариант» [7, с. 27]. Особенное здесь является частью философской дихотомии «общее и особенное», апеллирует к «единичному», то есть исчисленному, дискретизированному фрагменту действительности – объекту или понятию, именуемому актуализированным именем существительным. Вариативность, в несколько иной интерпретации – «вариантность», становится признанным параметром в монументальном исследовании Н. Л. Огуречниковой по проблематике английского артикля (2006 г.), которая перемещает артикль с позиции сопроводителя имени и помещает его на уровень синтагмы: «...неопределенный артикль, указывая на множественность синтагмы, сообщает о множественности или вариантности интерпретации языковых средств, участвующих в формировании семантической структуры синтагмы» [6, с. 525]. Цитируемый автор рассматривает артикль на уровне синтаксиса, прежде всего, и семантики синтагмы: «Парадигматическому противопоставлению артиклей как служебных лексем в системе английского языка соответствует противопоставление отдельных единиц речи (синтагм с артиклями). Фрагменты текста, соответствующие таким синтагмам, оказываются противопоставленными по линии значения артиклей. Этот семантический контраст возникает на уровне высказывания, и его можно было бы обозначить как контраст сущности и признака» [Там же, с. 525-526]. Мы не вполне разделяем точку зрения Н. Л. Огуречниковой (комментарий не входит в задачу данного исследования), однако обращаем внимание на то, что автор также прибегает к инструментарию философии – философским категориям «сущность и признак». И это закономерно при описании артикля, так как описывается речемыслительная когнитивная деятельность человека. Познание невозможно без синтеза и анализа, обращения к форме и содержанию, к категории «общего и особенного», «единичного» – вопрос в том, насколько последовательно и как именно использует исследователь эти философские категории в качестве инструмента анализа.

Теоретизирование в области артикля нельзя назвать окончательным, так как метаязыковые параметры его описания не вполне сложились как ясная модель, ориентир, руководство к практике использования в речи носителям безартиклевого языка, в частности русского.

Изменились экстралингвистические условия как для исследователя феномена артикля, так и для практически владеющих артиклевым языком в той или иной степени: глобальная сеть Интернет, возможность восприятия актуальных текстов во всей возможной полноте тематики и жанров несоизмеримо возросла. В аспекте лингвистики речевые личности представлены также во всей возможной полноте: это уже не только мастера слова, «сильная языковая личность» в терминологии лингвистики – писатели, художественные тексты которых в основном представляли объект анализа исследователя. Представлены тексты носителей языка с самыми различными лингвистическими компетенциями. Сами общественно-политические темы глобального медийного пространства, дискурса во многом совпадают, следствием чего являются разнообразные толкования, комментарии и оценки на одну и ту же тему, на разных языках. Видеоконтенты, сопровождаемые речью, – как личные, так и от имени или по поручению той или иной части социума (общественно-политические телевизионные программы, тележурналистика вообще) – также представлены очень широко. Все более актуален текст-сопровождение предложенного видеоряда, когда роль воображения реципиента сводится к нулю в отношении конкретных предметов или представленных событий. Соотношение частотности в использовании артикля – неопределенного, определенного, нулевого – меняется. Однако функциональный потенциал типов артикля остается неизменным и требует удовлетворяющего метаязыкового описания.

Таким образом, необходимо решить следующие задачи данного исследования: во-первых, определить метаязыковые параметры использования неопределенного артикля, базис его функционального статуса, позволяющий, как следствие, понимать случаи его использования; во-вторых, на примерах, речевых образцах продемонстрировать не только указание на типизацию, что характерно для этого типа артикля, но и указание

на вариативность особенного – вариативных признаков референта, соотносимого с актуализированным словом; в-третьих, на речевых образцах показать анафорическую функцию артикля; в-четвертых, предложить вариант термина, именующего неопределенный артикль более приемлемо для понимания русскоговорящими. Теоретическое описание является значимым для курса общей лингвистики в части метаязыкового описания артикля, инвентаризации терминов, лексикологии, семасиологии, семиотики.

В статье применяются следующие методы исследования: структурно-семантический, синтаксический, сопоставительный, компонентный анализ.

Теоретической базой исследования послужили труды В. Б. Кашкина [1], О. И. Москальской [4; 5]. Также в качестве инструмента анализа привлечены некоторые базовые понятия пограничных дисциплин, традиционно рассматриваемых лингвистами в связи с исследуемой темой, – философии и формальной логики, в частности некоторые философские категории, такие как «общее и особенное», «единичное» [9], а также некоторые понятия теории множеств, проецируемые на понятие лексического значения слова, в части вариативности его сигнификативного значения и денотата.

Практическая значимость определяется тем, что в прикладном аспекте недостаточная разработанность проблематики артикля в научном плане, в смысле наличия единой теории, негативно сказывается на практике преподавания. Решение поставленных задач существенно упростит изучение данной темы. Понимание ключевой роли вариативности, равно как и типизации, для выбора неопределенного артикля является базовым принципом обучения по этой теме. Результаты и речевые образцы исследования могут быть использованы в вузах гуманитарного направления при изучении спецкурсов и спецсеминаров по теоретическому, практическому, сравнительному терминоведению. Полученные данные могут найти применение в процессе учебно-методической деятельности при создании учебников, учебных пособий по артиклевому языку по теме «Артикль». Вариативность как ключевая характеристика выбора неопределенного артикля может быть включена в теоретическую часть описания артикля по курсу «Иностранный язык (артиклевый)».

Материалом исследования послужили образцы диалогической и монологической речи, а именно записаны, переведены и проанализированы в аспекте их артиклевой аранжировки диалоги, монологи и полилоги, в основном из современных немецких фильмов, а также некоторых документальных фильмов, новостных видеосюжетов. Речевые иллюстрации (на немецком языке), приведенные в данном исследовании, имеют определенную ценность как актуальные, аутентичные, не используемые ранее в научной и дидактической литературе. Аналогичные примеры могут быть подобраны и на других артиклевых языках.

Теоретико-методологические основы сущности, функций и статуса неопределенного артикля

Обратимся к базовым терминам нашего исследования. «Лексическое значение слова – содержание слова, отображающее в сознании и закрепляющее в нем представление о предмете, свойстве, процессе, явлении и т.д. Лексическое значение слова – это продукт мыслительной деятельности человека, оно связано с редукцией информации человеческим сознанием, с такими видами мыслительных процессов, как сравнение, классификация, обобщение. Лексическое значение слова носит обобщенный и обобщающий характер» [2, с. 261]. Лингвистический словарь различает термины «понятие» и «лексическое значение слова», указывает на то, что лексическое значение обогащается коннотациями, а понятие представляет собой в большей степени научное знание о предмете. «Понятие, лежащее в основе лексического значения слова, характеризуется нечеткостью, размытостью границ: оно имеет четкое ядро и нечеткую периферию. В лексическом значении слова отражается диалектическое соотношение общего и особенного, устойчивого и подвижного» [Там же, с. 262]. Этими характеристиками описывается, собственно, сигнификат. Неопределенный артикль акцентирует общее в структуре актуализированного слова, оставляя особенное свободным, вариативным. Вариативность особенного – ключевая характеристика для понимания использования неопределенного артикля, наряду с типизацией.

Понятие сигнификата неразрывно связано с понятием денотата, денотативного ряда или области исчисления, на которую распространяется лексическое значение. Для неопределенного артикля денотатом является прежде всего единичное понятие, единица.

Ход наших рассуждений мы проиллюстрируем речевыми образцами на одном из артиклевых языков – немецком. Система его артиклевых форм: определенный артикль, соответственно трем родам в единственном числе именительном падеже – *der, die, das*, во множественном числе для всех трех родов – *die*, неопределенный артикль для существительных в единственном числе для слов мужского и среднего рода – *ein*, женского – *eine*, формы множественного числа неопределенного артикля не существует. Артиклевые формы в различных падежах мы здесь не приводим, ограничимся их подчеркиванием в тексте оригинала. Для большей наглядности в тексте перевода на русский язык (перевод автора статьи. – В. П.) введем значки перед существительными: для определенного артикля «+», неопределенного «-», нулевого артикля «*». Отсутствие артикля или нулевой сопроводитель мы рассматриваем в триаде – определенный, неопределенный, нулевой. Для нас это значимый показатель, приобретающий смысл именно в составе данной триады. Слово с нулевым сопроводителем мы будем подчеркивать в тексте оригинала на немецком языке. Речевые образцы нумеруются для удобства ссылки на них и возможных последующих комментариев. Хрестоматийные

примеры – речевые иллюстрации из учебной литературы или единичные самостоятельно составленные примеры, прошедшие экспертизу носителями языка, даны без указания на источник.

Выбор немецкого языка определяется степенью его изученности автором (первый иностранный). Имеется, однако, опыт подобных исследований на материалах английского, испанского, французского языков как автора, так и других исследователей. Притом что в употреблении артиклей и количестве артиклевых форм есть некоторые различия, в отношении заявленной темы исследование и его результаты остаются релевантными для этих артиклевых языков. Исследователь, изучивший какой-либо из этих языков более глубоко, ориентируясь на перевод, легко подберет подобные примеры на том языке, который интересен.

Неопределенный артикль: вариативность и типизация, функции анафоры и катафоры

Вариативность и типизация – существенные характеристики структуры лексического значения слова: всякое слово обобщает. При референции, актуализации слова неопределенный артикль акцентирует типичные признаки референта. Проявленные индивидуальные признаки выделенного единичного во внимание не берутся, даже если очевидны. Однако особенные признаки присущи любому выделяемому предмету, предполагаются априори. Реципиент ожидает их описания, если адресант останавливает внимание на описываемом объекте (то есть нет ситуации перечисления, например). Эта функция хорошо изучена и содержится в постулате тема-рематического членения предложения. Если трактовать это членение предложения в аспекте разного пространства высказывания, то описываемое событие/объект вводится, появляясь «вдруг» на периферии воображаемого локуса и стремительно приближаясь в центр картинке-образа, вызывает коммуникативное напряжение, которое разряжается по мере наполнения конкретизирующими деталями. В таких случаях мы можем говорить о проявлении катафорической функции неопределенного артикля, традиционно за ним закрепленной. В следующем примере это слово *Autounfall* – *автокатастрофа*:

1. *Vor zehn Jahren hatten sie und ihre Mutter einen Autounfall (1). Sie kamen gerade vom Wochenmarkt. Da hat ihnen jemand die Vorfahrt genommen. Smilla hat überlebt, aber ihre Mutter ist dabei gestorben. Und Smilla hat sie neben sich auf dem Fahrersitz im Blut liegen sehen, und seit dem kriegt sie jedes Mal eine Panikattacke (2), wenn sie Blut sieht [14]. / Десять лет назад Смилла и ее мать попали в -автокатастрофу (1). Они как раз возвращались с ярмарки выходного дня. Какой-то водитель не уступил им дорогу (выражение не переведено дословно, обозначение артикля опускаем). Смилла выжила, а ее мать погибла. Смилла увидела ее рядом с собой на сиденье водителя, лежащей в луже крови (в немецком одно слово, +кровь), и с тех пор ее каждый раз охватывает -паническая атака (2), когда она видит *кровь.*

Словосочетание в завершающей части абзаца (*у нее*) -паническая атака (каждый раз) переводит повествование из рассказа о прошлом – в настоящее. При этом словосочетание -паническая атака в немецком – одно сложное слово, употреблено с неопределенным артиклем. Это не только поворот сюжетной линии из прошлого в настоящее. Это типизация как таковая. Здесь проявлено типичное, характерное для всякой панической атаки. Понятие настолько унифицировано, что может стать основой для счета: всякий раз. Единичное как единица представляется познанным в такой степени, что может быть сопоставимо с вещами, сходящими с конвейера. Вариативное таких вещей практически невидимо, незначимо, унифицировано, сведено к повторяемости. Акцент сделан на типичном. Катафорической функции для словосочетания с неопределенным артиклем -паническая атака не проявлено. В дальнейшем повествовании эти состояния героини никак не комментируются. Именно в данном контексте это, скорее, скрытый потенциал анафоры, так как на экране до момента повествования было показано собственно состояние панической атаки героини повествования. Говорящий апеллирует непосредственно к ситуации речи. И это указание косвенно отсылает к текстовому фрагменту реплик людей, оказывающих ей помощь (анафорическую функцию рассмотрим подробнее в данной статье ниже, в блоке соответствующих примеров).

Неопределенный артикль появляется и тогда, когда говорящий сознательно отвлекается от очевидных индивидуальных характеристик предмета, буквально снимает, опускает, отстраняется от индивидуального или вариативного, «раздевая» предмет, стараясь проникнуть в сущность, суть. При очевидности этих характеристик акцент с типичного переносится на вариативное как поливариант, многообразие вариантов возможного особенного, не обязательно представленного в данном случае:

2. *“...also ich lasse mir von einem Ministerpräsidenten und von einer Bundeskanzlerin nicht vorschreiben, mit wem ich Weihnachten zu feiern habe...” [13]. / «...итак, я не позволю ни -Премьер-министру, ни -Канцлеру указывать мне, с кем я должен праздновать *Рождество...».*

Слова *Премьер-министр* и *Канцлер* (по форме слова в немецком языке очевидно, что это женщина) сопровождаются неопределенным артиклем. Говорящему известны личные характеристики, имена, внешний облик этих государственных деятелей. Но он отвлекается от того индивидуального, что привносят эти люди, занимающие должности *Премьер-министра* и *Канцлера*. Эту фразу можно было бы перевести и так:

2.1. *«...итак, я не позволю, чтобы -Премьер-министр, кто бы это ни был, равно как и -Канцлер, кто бы она ни была, предписывали мне, с кем мне встречать *Рождество...».*

В более традиционном варианте это отвлечение от проявленного индивидуального хорошо иллюстрирует предложение на любом артиклевом языке, построенное по модели «Это... (наименование предмета)». Или «А есть вариант В». Хрестоматийный пример:

Das ist ein Tisch.

Это – -стол.

Безусловно, эта аналитическая операция отвлечения от проявленного индивидуального происходит и в русском языке в процессе речемыслительной деятельности. Ее, в частности, хорошо иллюстрируют строки С. Я. Маршака [3]:

3. *Vom это стул – на нем сидят. Вот это стол – за ним едят.*

(Заметим в скобках, что проявленная типизирующая характеристика *стула* здесь является исчерпывающей, а *стола* – только обеденного.) То есть и в русском языке происходит типизация, но она не имеет формального маркера в речи. А в артиклевых языках формальным маркером выступает неопределенный артикль или типизирующий [10]:

4. – *Schau mal! Was ist das denn?* – *Взгляни, что это?*
– *Ein Magazin.* – *-Магазин (с патронами).*

Типизация может носить и метафорический характер, особенно если имя существительное абстрактно. Вариативность особенного в этом случае проявляется особенно ярко [11]:

5. – *Das Amt ist ein Fake.* – *+Офис – это -фейк.*
Die Karte ist ein Fake. – *+Визитка – -фейк.*
Sie sind ein Fake. – *Вы – -фейк.*

Эти примеры наглядно иллюстрируют, какими именно могут быть варианты *фейка*. Это и *офис*, и *визитка*, и *человек*, выдающий себя за кого-либо другого. Образы, наполненные реальными деталями, реальным или воображаемым индивидуальным, буквально превращаются в ничто, некое нечто. В данном случае это определяется значением слова *фейк*. Смысл усиливается синтаксическим параллелизмом в данном сверхфразовом единстве. Мы имеем дело со смысловой, понятийной анафорой. Степень вариативности так высока, что затрагивает сущностные признаки предмета, предметы равны по базовой характеристике, контекстуальной семе антецедента, совпадающей с архисемой второго имени, псевдоанафоры *фейк*, означающего пустое пространство, небытие, форму призрака. Синтаксически здесь нет анафоры, если сослаться на базовое научное положение, изложенное в статье Лингвистического энциклопедического словаря, о том, что «анафорическое отношение возникает, если нет непосредственной синтаксической связи... между языковыми выражениями (словами или словосочетаниями), состоящее в том, что в смысл одного выражения входит отсылка к другому» [2, с. 32]. Синтаксическая связь есть отношения субъекта и предиката, именное сказуемое, – отношения тождества, в случае абстрактного имени – сравнения. В статье Лингвистического словаря о связке, обычно представленной глаголом *быть*, значимым в рамках нашего исследования представляется следующее положение: «...в развитых логических системах выделяются следующие значения связки: вхождение индивида в состав класса... тождество; вхождение подкласса в состав класса» [Там же, с. 435]. Именно эти семантические отношения характеризуют гипонимию в лексике. Вариантом гипонимии можно считать метафорический перенос. Метафорический перенос означает такую степень вариативности индивидуальных свойств объекта, что он может быть уже классифицирован в ином именном классе, вплоть до зачеркивания его сущностных признаков.

Можно предположить, что такие отношения, которые мы могли бы назвать парадигматической анафорой, характерны для случаев, когда существительное с неопределенным артиклем находится в постпозиции в роли предиката.

Как отмечает В. Б. Кашкин, «и все же чисто текстовая интерпретация не раскрывает до конца особенностей НА (неопределенного артикля. – В. П.). Так, с помощью теории анафоры/катафоры, так же как и с помощью теории референции, необъяснимы употребления НА в метафорах и сравнениях, в так называемых квазиклассификациях, по терминологии *Вайнриха*» [1, с. 116-117]. Представляется, что наша трактовка употребления неопределенного артикля как парадигматической анафоры вполне объясняет случаи таких употреблений.

С нашей точки зрения, в случае метафорического переноса, оформленного сравнительным оборотом:

6. *Sie kann auch singen wie eine Nachtigall* [12]. / *Она поет как -соловей (дословно: может так же / даже петь как -соловей),*

– также происходит анафорическое отношение по важному признаку, сущностному для понятия соловей в наивной картине мира и вариативному и значимому в данном контексте для антецедента: всякий соловей поет прекрасно, не каждая «она» (антецедент в данном предложении) поет вообще, тем более, как соловей. Употребление неопределенного артикля обосновано компонентностью лексического значения слова, а именно двумя компонентами, общим и вариативным особенным – *она почти соловей!* – и парадигматикой лексики как таковой, в силу которой могут быть увязаны семемы *соловей (птица)* и *женщина (человек)* через общий вариативный признак *петь*. Имеем отношение подобия <Она – вариант соловья>, отношение множества <а есть вариант В> по признаку *пения*.

В следующем примере, полилоге, типизация также «снимает» индивидуальное. Обратим внимание на словосочетание *друг дома* и существительное *ключ (от дома)*. Оба выделяемых понятия употреблены дважды и оба раза с неопределенным артиклем. Одна из пар относится к одному и тому же референту (ключ). Вторая пара (*друг дома*) – это яркие примеры типизации, отнесения разных объектов-элементов к одному и тому же множеству [10]:

7. – *Mein Freund Many hat einen Schlüssel (1), Herr Gott!*
– *У моего друга Мани есть -ключ (1), *Боже мой!*
– *Er ist ein Freund (2) des Hauses, Ekki!*
– *Он -друг (2) +дома, *Экки!*
– *Ich bin auch ein Freund (3) des Hauses! Aber ich habe aber keinen Schlüssel!*

- Я тоже -друг (3) +дома! Но у меня нет ключа!
- Und darum schlägt er mich, weil ich einen Schlüssel (4) habe und er nicht?
- И он потому меня бьет, что у меня есть -ключ (4), а у него нет?!

Обратим внимание на то, что существительное *ключ* употреблено дважды – примеры (1) и (4) с неопределенным артиклем: у друга есть -ключ (1), у меня есть -ключ (4). По форме и как референт – это один и тот же ключ, однако и при повторном именовании предмета существительное употребляется с неопределенным артиклем. Унификация сводит индивидуальное к повторяющемуся, однажды проявленному, но не значимому. В данном контексте обсуждается микротема *есть ключ / нет ключа* как нескольких копий, дубликатов предмета. Вариативность в таких случаях есть множество равных, одинаковых характеристик. Вариативность особенного сведена к множественности представления этого особенного в количественном плане. Это, собственно, множественное число. Не *ключ* в фокусе внимания говорящих как объект, а обладание им. *Ключ* – типизация, акцент на типичное, трафаретное изображение, его детали, например форма, неинтересны говорящим.

Также обращает на себя внимание и характеристика *друг дома*. Хотя в словосочетании имеется конкретизирующий признак, существительное в родительном падеже (-друг) +дома, с определенным артиклем, главное определяемое слово *друг* употреблено с неопределенным артиклем. Эта характеристика *друг дома* повторяется дважды в тексте для различных персонажей. Это два различных референта. Однако их индивидуальное, вся гамма индивидуальных характеристик, опускается. Остается главное в данной ситуации, типизирующее в данном случае. Снова по модели «а есть вариант В» или элементы *a*, *c* и так далее принадлежат множеству «В». Образ движется: обезличивается на индивидуальное, ярко проявленное за счет имени собственного, антропонима, что есть обозначение уникальности (оба персонажа присутствуют в ситуации речи), и обобщается до пафосного в данном случае *друг дома*, занимая, на наш взгляд, больший объем в виртуальном пространстве высказывания.

Это снова вариант, условно говоря, понятийной анафоры. Соотнесения по основной семе соотносимых лексем: имя собственное содержит значение *человек, мужчина*, к базовой характеристике добавляется базовый признак лексемы *друг* в постпозиции, то есть здесь *человек, состоящий в близких, дружеских отношениях*, с конкретизацией *друг дома*, то есть *имеющий дружеские отношения с семьей*. Ссылка на имя собственное в роли субъекта.

В языке нет ничего, кроме сходств и отличий. Неопределенный артикль указывает на упорядоченность лексики, соотносимой с понятием семантических полей. Каждая лексема соотносится с другими единицами лексики, входя в состав того или иного понятийного поля, по отношениям смежности, ассоциаций, прямого понятийного подчинения – мы говорим о степени абстракции, гипонимии, движении от гипонима к гиперониму (или наоборот), от конкретного к абстрактному: *елка – дерево – лес – растения – природа – вселенная*. Такой ряд взаимоналагающихся понятий является хорошей иллюстрацией известной загадки: «Что быстрее всего на свете? – Мысль!». Неопределенный артикль демонстрирует скорость и оправданность такого движения, взаимосвязь понятий, включающих ту или иную характеристику в качестве базовой семы. Это фактически иллюстрация аналитической работы человечества по созданию словаря и упорядочиванию картины мира. В этом смысле можно именовать неопределенный артикль парадигматическим дейктиком.

Обычно в научной и дидактической литературе приписывают катафорическую (введение, указание смотреть вперед, дальше по тексту, неполнота значения) функцию неопределенному артиклю и анафорическую – определенному (смотри назад, уже было сказано, упомянуто). Но в цитируемом выше примере (7.2; 7.4), отсылая к упомянутому уже персонажу – *Мани* или к главному герою *Экки*, – неопределенный артикль демонстрирует как раз анафорические отношения, но не в рамках линейного текста, синтаксическая связь субъект – предикат очевидна, и *Мани*, и *Экки* – оба олицетворяют собой *друзей дома*. Неопределенный артикль здесь – это проявление свойств дейксиса в рамках собственно языка, вертикального, виртуального, потенциального текста в его бесконечном разнообразии упорядоченной лексики, «готовой» к использованию в речи. Важным остается тот факт, что этим отношениям присуща векторность. Это направление, движение.

В качестве созвучных выдвигаемому нами тезису приводим несколько цитат В. Б. Кашкина: «Если же рассматривать анафорические отношения широко, то есть в пределах всего человеческого опыта, не ограничиваясь рамками текста, или хотя бы в пределах отрезка опыта, ситуативно, то получится, что НА (неопределенный артикль. – В. П.) может обладать как анафорическими, так и катафорическими смыслами. С одной стороны, НА производит выбор одного из множества подобных. Разумно предположить, что к этому моменту уже известно более двух подобных референтов, более того, произведено уже обобщение в виде понятия, потенциального референта. Именно эта сторона семантики НА более всего ответственна за возможность использования его в родовой, обобщающей, экзemplарной функции. Выбирая один экземпляр из потенциального множества, мы производим анафорическое отнесение, отнесение к предыдущему опыту индивида, или к совместному коллективному опыту совокупного индивида» [1, с. 117]. В наших рассуждениях мы идем несколько дальше, апеллируя уже к иерархической системе упорядочивания лексики от частного к более абстрактному, к единице более высокого порядка абстрагирования. Неопределенный артикль маркирует движение мысли как отношение вид → род (гипонимия), например, *ель* → *дерево*, как отсечение вариативного и концентрация на типичном. Таким образом, тип анафоры можно именовать парадигматическим.

Еще в большей степени демонстрирует вариативность особенного, особенных признаков предмета, связанную с типичными, структурирующими признаками, следующий пример. Это диалог. Один из персонажей крайне взволнован. Его речь сбивчива. На каждый аргумент находится контраргумент у его собеседника. Все варианты развернутых высказываний объединяются словом *ответ* [10]:

8. – *Seht euch das mal! Hier! Da... die... Die ganzen Kirchtürme! Alles... Alles schief! ist doch... hier! Alles Fotomontage!*

– *Посмотрите-ка! Здесь! Вот... все +церковные башни! Все... Все перекошено! это же... здесь! Все *фотомонтаж!*

- *Kirchtürme ja sind Jahrhunderte alt und sind immer schief. In jeder Stadt.*
- **Церковным башням *сотни лет, и они всегда не очень-то ровные. В каждом городе.*
- *Ja, oder hier. Die Statisten aus dem Stadion, aus der angeblichen Stadt. Immer dieselben!*
- *Да, или здесь. +Статисты из +стадиона, так сказать, якобы из +города. Всегда одни и те же!*
- *Ekki, das sind Fußballfans. Das sind immer dieselben!*
- **Экки, это *футбольные фанаты. Они всегда одни и те же!*
- *Georg! Du hast für alles eine Antwort!*
- **Георг! У тебя на все есть -ответ!*

В тексте диалога сначала приведены различные варианты предположений, которые и объединены словом *ответ* с неопределенным артиклем в постпозиции в рамках абзаца. Продемонстрирована вариативность особенного абстрактного слова *ответ*. Постпозиция объединяющего слова, отсылающая слушателя к прозвучавшим только что вариантам, акцентирует их вариативность и наполняет конкретным проявлением лексическое содержание слова. Очевидно, что в данном примере неопределенный артикль продемонстрировал анафорическую функцию, условием которой является отсутствие непосредственной синтаксической связи. В качестве антецедента выступают различные предложения. Имеется наложение собственно текстовой анафоры, контекстной, отсылающей к предложениям – единицам сверхфразового единства, и понятийной.

Возвращаясь к примеру (1.2) *-паническая атака*, мы можем говорить о текстовой анафоре, отсылающей нас к фрагменту полилога в момент панической атаки у главной героини. То есть в роли условного антецедента выступает не слово, а текстовый фрагмент [14]:

9. – *Leute, guckt mal! Hab`ich uns mitgebracht! Endlich mal ein paar richtige Proteine!*
- **Люди, смотрите! Что я (нам) принес! Наконец-то парочку настоящих протеинов!*
- *Lorenz!*
- **Лоренц!*
- *Willst du Fleisch? Oder gehörst du auch zur Wegetarier-Front?*
- *Хочешь *мясо? Или ты относишься к +фронту вегетарианцев?*
- *Smilla! Smilla, alles in Ordnung?*
- **Смила! *Смила, все в *порядке?*
- *Ganz ruhig atmen! Ja? Komm, wir atmen zusammen: ein... und aus!*
- *Дыши глубоко! Да? Давай дышать вместе: вдох... выдох! (глагол в тексте оригинала)*
- *Smilla?*
- **Смила?*
- *...und aus!*
- *... и выдох!*
- *Was ist? Irgendwas ist mit ihr.*
- *Что такое? С ней что-то случилось.*
- *Tu sofort das Fleisch weg!*
- *Немедленно убери +кусочек мяса!*
- *Was?*
- *Что?*
- *Tu es einfach!*
- *Просто сделай это!*
- *Ist ja gut!*
- *Ну, хорошо!*
- *Hedi, holst du ihr ein Glass Wasser, bitte!*
- **Хэди, принеси ей -стакан *воды!*
- *Ja.*
- *Да.*
- *Danke.*
- **Спасибо.*
- *Was zum Teufel war das?*
- *Что, +черт побери, это было?*
- *Smilla hat eine Art Trauma (1): sie kann kein Blut sehen.*
- *У Смилы -психическая травма (1): она не может видеть кровь.*
- *Ist sie Hardcore-Veganerin oder was?*
- *Она *строгая веганка или что другое?*

Не собственно текст поясняет концепт *паническая атака*, а видеоряд, ситуация речи, текст описывает действия героев как реакцию на паническую атаку у главной героини. Заметим, что подобную трактовку находим и у Карла Бюлера, признающего «приоритет ситуативного дейксиса над текстуальным» [1, с. 116], нам важен также “Deixis am Phantasma”, явление мысленного переноса дейктического центра в произвольное место пространства и времени. Заметим также, что словосочетание *паническая атака* в предложении *У нее -паническая атака* имеет катафорический потенциал, то есть если говорящий имеет такое намерение,

он может развернуть данное высказывание, комментируя, описывая состояние панической атаки. Катафорический потенциал демонстрирует неопределенный артикль в предложении (17.1.) *У Смилы -психическая травма: она не может видеть кровь*. Словосочетание *-психическая травма (eine Art Trauma)*, сопровождаемое неопределенным артиклем, поясняется при разворачивании высказывания.

Неопределенный артикль имеет, таким образом, анафоро-катафорический потенциал. «Интересна мысль Вайнриха о деятельностном аспекте понимания НА (неопределенного артикля. – В. П.): НА является процессуальной инструкцией, направляющей поисковую деятельность читателя», и там же: Харальд Вайнрих рассматривает «НА как сигнал говорящего (пишущего), обращающий внимание слушающего (читателя) на определенную часть связного текста. Анафора и катафора, таким образом, признаются внутритекстовой референцией» [Там же].

Как мы уже упоминали, как правило, неопределенный артикль предваряет всякий поворот, динамичное разворачивание сюжета. События могут относиться не только к прошлому, но и к предполагаемому будущему.

В следующем отрывке точкой отсчета для последующего повествования является слово *чудо*, маркируемое неопределенным артиклем в начальном предложении в немецком варианте. Повторно слово *чудо* употреблено с определенным артиклем. Этот пример иллюстрирует наиболее часто упоминаемый в учебной литературе случай использования артиклевой маркировки со сменой неопределенного артикля на определенный при повторном упоминании имени, что, в свою очередь, согласуется с тема-рематическим членением предложения. *Чудо* уже «явилось» перед глазами слушающего, крупным планом перед его внутренним взором. И, таким образом, имя употреблено с определенным артиклем, что в русской версии позволяет ввести указательное местоимение «это», «это чудо»:

10. – *Ich warte noch auf ein Wunder! Vielleicht können wir, ja, mal uns zusammensetzen! Vielleicht kann ich was dazu beitragen, dass das Wunder ereignet [14]? /*

– *Я все еще жду -чуда! Может быть, мы могли бы однажды собраться вместе? Может быть, я мог бы (могла бы) сделать что-нибудь, чтобы это +чудо произошло?*

По Вайнриху, катафора и анафора признаются внутритекстовой рефлексией. «НА вводит последующую информацию (Nachinformation), анафорический (ОА) (определенный артикль. – В. П.) и катафорический артикль (НА), характеризующиеся, однако, не синтаксически, а семантически, противопоставлением черт <CONNU> и <INCONNU>», [1, с. 116] (<знание> и <незнание>). Например:

11. – *Er hat gesagt, dass er mit mir ein Videotelefonat machen würde und dass er mir ein Angebot machen möchte [14]. /*

– *Он сказал, что он со мной созвонится по видео (проведет -беседу) и что сделает мне коммерческое -предложение.*

Видеопереговоры (в немецкой версии в единственном числе как *беседа по видео*) и *предложение* введены с неопределенным артиклем, в том числе как относящиеся к событиям в ближайшем будущем и вводимые в ситуацию, в общий контекст. Понятия еще не проявлены в своей конкретике, они на периферии ситуации, пространственно-временного локуса. Еще один пример [11]:

12. – *Hatten Sie das nicht gewusst? – Вы этого не знали?*

– *Nein. – Нет.*

– *Bekomme ich jetzt eine Antwort? – Я сейчас получу -ответ?*

Таким образом, типизируя, неопределенный артикль оставляет одновременно вариативное, индивидуальное свободным. Акцент, подобно стрелке компаса, может колебаться, указывать как на типичное, так и на вариативное, многовариантное, в зависимости от контекста, намерения говорящего.

Особенно наглядны образы, смыслы и их наложение, трансформация, перемещение, когда мы говорим о работе воображения при чтении художественной литературы. В русском языке это происходит в большей степени имплицитно, за счет лексического наполнения предложения и разворачивания высказывания. В артиклевых языках артикль представляет собой материальный носитель-выразитель этих смысловых трансформаций.

Вариативность особенного, внимание к нему демонстрирует неопределенный артикль и в формулах приветствия/прощания, установления контакта, если они маркированы каким-то определением. Глобальность, масштабность именованного сменяются неким частным вариантом, объемно уменьшаются, из общего плана переводятся на передний план, предъявляя вниманию слушающего особую деталь. Так,

– *Guten Abend! – Guten Tag! – Guten Morgen!*
 – *Добрый *вечер! – Добрый *день! – Доброе *утро!*

с нулевым сопроводителем трансформируются, например, в следующие [14]:

13. – *Vielen Dank! Und haben Sie noch einen schönen Abend! Und hoffentlich auf bald!*

– **Спасибо большое! И приятного -вечера сегодня! Надеемся, до скорого!*

– *Auf jeden Fall! Wir wünschen auch einen schönen Abend!*

– *Обязательно! Мы тоже желаем Вам приятного -вечера!*

Формула стандартного приветствия варьируется, говорящие подчеркивают свое особое расположение друг к другу, искреннюю симпатию. И вечер потому особенный. Пример на эту же тему [10]:

13.1. – *Einen schönen guten Morgen, Herr Lechner!*

– *Прекрасное доброе -утро, *господин Лехнер! (дословно) –*

приветствует герой фильма своего потенциального тестя, очевидно, не очень к нему расположенного. В таком приветствии в этом контексте и сдержанность, и некоторое заискивание. Сравним с английским «*Прекрасная погода, не правда ли?*». Посыл неприветливому будущему родственнику – *Все хорошо! Не хмурьтесь! Посмотрите, какое утро чудесное!* В то время как свою подружку он приветствует дежурным «*Morgen!*», дословно «*Утро!».

Собственно время суток, его характеристика становятся центром высказывания в следующем предложении [11]:

13.2. – *Es würde ja, ein richtig lustiger Abend heute!*

– *Похоже, наступает по-настоящему веселый вечер!* (ср. цитату из фильма «Москва слезам не верит»: «Вечер перестает быть томным!»)

Таким образом, неопределенный артикль демонстрирует вариативность особенного, и именно на этом может быть сделан акцент. В этом случае объект высказывания – на первом плане. Характеризуются некая «говорящая деталь», необычность ситуации, образа.

И наоборот, акцент может быть сделан на типичном. Валентность особенного остается свободной, незанятой, неизвестной, но предполагаемой. Эта функция хорошо описана в научной и дидактической литературе по артиклю в случае предвосхищения события (катафорическая функция).

Заключение

Таким образом, мы приходим к следующим выводам. Метаязыковыми параметрами, определяющими базис функционального статуса неопределенного артикля, является опора на лексическое значение слова, содержащее указание как на невариативное «общее», так и вариативное «особенное». Артикль имеет дейктическую природу. Указывая на типичное, он оставляет вариативное свободным. В зависимости от конкретной леммы, ее значения и актуализированного смысла вариативность может также унифицироваться, упрощаясь до потенциальной множественности. Указание на вариативность особенного, наряду с типизацией, является ключевой характеристикой для случаев использования неопределенного артикля. Неопределенный артикль может указывать на катафорические отношения в тексте, всегда имея катафорический потенциал, если говорящий хочет остановить свое внимание на предмете/объекте речи (прагматический аспект), так как вводимая информация является неполной в аспекте отсутствия конкретного, проявленного особенного или его опущения. Неопределенный артикль также выражает соотношения между лексическими полями имени, их взаимодействием, наложением. В этом смысле можно говорить о понятийной или парадигматической анафоре, обращении к виртуальному понятийному содержанию, связям тезауруса, результатам процесса познания человека, закрепленным в лексике. При этом неопределенный артикль проецирует гипо-гиперонимию как родо-видовое отношение в узком и широком смысле: совместимости по избираемому признаку, произвольной совокупности признаков. Это отношение распространяется и на конкретизацию абстрактной лексики, и на ассоциативные метафорические связи.

В качестве прецедента могут выступать как леммы, так и единицы синтаксиса – предложения, сверхфразовые единства, фрагменты текста. В этом случае можно выделять контекстуальную анафору. Таким образом, термин «неопределенный (артикль)» соотносится только с его функцией указывать на вариативность, неопределенность «особенного», его свободную или произвольно освобождаемую валентность. Неопределенность в случае нахождения референта в ситуации речи как реального объекта оказывается условной, трактуется как проявление одного из возможных вариантов особенного. Таким образом, более информативным является термин «типизирующий артикль». Если прибегнуть к математической формуле, где A – это единичное, то релевантной представляется следующая:

$A \leq 1$, то есть A есть единичное минус индивидуальное, акцент на типичном, потенциальная вариативность.

Перспективы дальнейшего исследования состоят:

- 1) в изучении неопределенного артикля в составе триады – нулевой, определенный, неопределенный типы, их сопоставлении в аспекте вариативности, что выявит более яркое, четкое понимание их различий, а также определении случаев сближения по значению и функции, взаимозамещения;
- 2) в рассмотрении функций и значения неопределенного артикля в случае растяжения сигнификативного значения на различный объем денотата. Если единичное, маркируемое существительным с неопределенным артиклем понимать как тип множества, то это может быть как единичное множество, содержащее один элемент, так и множество, содержащее некоторое количество элементов – собирательные понятия, или весь денотативный ряд – случаи генерализации;
- 3) в рассмотрении функций неопределенного артикля в образной композиции текста;
- 4) в рассмотрении функций неопределенного артикля как проводника имени в зависимости от плана содержания лексики: абстрактные и конкретные имена существительные, а также входящие в состав идиом;
- 5) в рассмотрении функций неопределенного артикля в зависимости от синтаксической позиции имени в предложении;
- 6) в поиске и определении эквивалентных языковых средств в безартиклевых языках, понимании степени компенсации отсутствия артикля, его замещения;
- 7) в исследовании особенностей функций артикля в зависимости от ситуации речи в смысле опоры на реальный фрагмент материального мира, видеоряда или соотнесенности с виртуальной ситуацией.

Список источников

1. Кашкин В. Б. Функциональная типология (неопределенный артикль). Воронеж: ВГТУ, 2001. 255 с.
2. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Советская энциклопедия, 1990. 685 с.

3. Маршак С. Я. Кошкин дом [Электронный ресурс]. URL: <https://vsebasni.ru/marshak/koshkin-dom.html> (дата обращения: 15.12.2020).
4. Москальская О. И. Развитие артикля в древних германских языках: автореф. дисс. ... д. филол. н. М., 1953. 56 с.
5. Москальская О. И. Становление категории определенности/неопределенности. Статья // Историко-типологическая морфология германских языков / ред. М. М. Гухман; Ин-т языкознания АН СССР. М.: Наука, 1977. Т. 1. Фономорфология. Парадигматика. Категория имени. С. 238-286.
6. Огуречникова Н. Л. Английский артикль: к вопросу о количественности в языковом мышлении. М.: Наука, 2006. 558 с.
7. Попова В. Б. Метаязыковые основы функционального статуса артикля: автореф. дисс. ... к. филол. н. Краснодар, 2001. 33 с.
8. Попова В. Б. Семантический сдвиг в понимании категории определенности-неопределенности [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/semanticheskiy-sdviig-v-ponimanii-kategorii-opredelennosti-neopredelennosti> (дата обращения: 11.01.2021).
9. Спиркин А. Г. Основы философии: учебное пособие для вузов. М.: Политиздат, 1988. 592 с.
10. Der Verlobte meiner besten Freundin [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=hVn34o002dc> (дата обращения: 11.12.2020).
11. Die Bielefeld-Verschwörung [Электронный ресурс]. URL: <https://www.zdf.de/serien/wilsberg/die-bielefeld-verschwörung-100.html> (дата обращения: 20.12.2020).
12. <https://glosbe.com/de/de/singen%20wie%20eine%20Nachtigall> (дата обращения: 12.12.2020).
13. Rechts, links, quer - wer profitiert von Angst und Spaltung? [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=X6KP8HPB8i8&feature=youtu.be> (дата обращения: 08.12.2020).
14. Schneewittchen am See [Электронный ресурс]. URL: <https://www.zdf.de/filme/herzkino/schneewittchen-am-see-100.html> (дата обращения: 21.12.2020).

Информация об авторах | Author information

Попова Валерия Борисовна¹, к. филол. н.

¹ Академия маркетинга и социально-информационных технологий – ИМСИТ, г. Краснодар

Popova Valeria Borisovna¹, PhD

¹ Academy of Marketing and Social and Information Technology – IMSIT, Krasnodar

¹ v.kiy@bk.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 25.12.2020; опубликовано (published): 30.04.2021.

Ключевые слова (keywords): неопределенный артикль; вариативность; лексическое значение слова; дихотомия «общее и особенное»; дейктик; indefinite article; variability; lexical meaning of word; dichotomy “universal/particular”; deictic.